



LORE

WANTED  
SIKES



ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС



*gnawwicks*

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

**В** свое время сочли грубым и непристойным, что я выбрал некоторых героев этого повествования из среды самых преступных и деградировавших представителей лондонского населения.

Не видя никакой причины, в пору писания этой книги, почему подонки общества (поскольку их речь не оскорбляет слуха) не могут служить целям моральным в той же мере, как его пена и сливки, — я дерзнул верить, что это самое «свое время» может и не означать «во все времена» или даже «долгое время». У меня были веские причины избрать подобный путь. Я читал десятки книг о ворах: славные ребята (большой частью любезные), одеты безукоризненно, кошелек туго набит, знатоки лошадей, держат себя весьма самоуверенно, преуспевают в галантных интригах, мастера петь песни, распить бутылку, сыграть в карты или кости — прекрасное общество для самых достойных. Но я нигде не встречался (исключая Хогарта<sup>1</sup>) с жалкой действительностью. Мне казалось, что изобразить реальных членов преступной шайки, нарисовать их во всем их уродстве, со всей их гнусностью, показать убогую, нищую их жизнь, показать их такими, каковы они на самом деле, — вечно крадутся они, охваченные тревогой, по самым грязным тропам жизни, и куда бы ни взглянули, везде маячит перед ними большая черная страшная виселица, — мне казалось, что изобразить это — значит попытаться сделать то, что необходимо и что сослужит службу обществу. И я это исполнил в меру моих сил.

Во всех известных мне книгах, где изображены подобные типы, они всегда чем-то прельщают и соблазняют. Даже в «Опере нищего»<sup>2</sup> жизнь воров изображена так, что, пожалуй, ей можно позавидовать: капитан Макхит, окруженный соблазнительным ореолом власти и завоевавший преданную любовь красивейшей девушки, единственной безупречной героини в пьесе, вызывает у слабовольных зрителей такое же восхищение и желание ему подражать, как и любой обходительный джентльмен в красном мундире, который, по словам Вольтера, купил право командовать двумя-тремя тысячами человек и так храбр, что не боится за их жизнь. Вопрос Джонсона, станет ли кто-нибудь вором, потому что смертный приговор Макхиту был отменен, — кажется мне не относящимся к делу. Я же спрашиваю себя, помешает ли кому-нибудь стать вором то обстоятельство, что Макхит был приговорен к смерти и что существуют Пичум и Локит<sup>3</sup>. И, вспоминая бурную

---

<sup>1</sup> *Хогарт Уильям* (1697–1764) — английский художник, автор сатирических гравюр.

<sup>2</sup> «*Опера нищего*» («Опера нищих») — пародийная опера Иоганна Кристофа Пепуша на либретто Джона Гэя, написанная в 1727 году.

<sup>3</sup> *Макхит*, *Пичум* (*Пичем*), *Локит* — действующие лица «Оперы нищего»: предводитель шайки разбойников; скупщик краденого и тайный полицейский агент в одном лице; начальник полиции. Говоря о существовании Пичума и Локита, Диккенс имеет в виду, что преступник всегда вынужден бежать от преследующего его закона и не может доверять сообщникам, которые в любой момент выдадут его властям.

жизнь капитана, его великолепную внешность, огромный успех и великие достоинства, я чувствую уверенность, что ни одному человеку с подобными же наклонностями не послужит капитан предостережением и ни один человек не увидит в этой пьесе ничего, кроме усыпанной цветами дороги, хоть она с течением времени и приводит почтенного честолюбца к виселице.

В самом деле, Гэй высмеивал в своей остроумной сатире общество в целом и, занятый более важными вопросами, не заботился о том, какое впечатление произведет его герой. То же самое можно сказать и о превосходном, сильном романе сэра Эдуарда Бульвера «Поль Клиффорд», который никак нельзя считать произведением, имеющим отношение к затронутой мною теме; автор и сам не ставил перед собой подобной задачи.

Какова же изображенная на этих страницах жизнь, повседневная жизнь Вора? В чем ее очарование для людей молодых и с дурными наклонностями, каковы ее соблазны для самых тупоумных юнцов? Нет здесь ни скачек галопом по вересковой степи, залитой лунным светом, ни веселых пирушек в уютной пещере, нет ни соблазнительных нарядов, ни галунов, ни кружев, ни ботфуртов, ни малиновых жилетов и рукавичков, нет ничего от того бахвальства и той вольности, какими с незапамятных времен приукрашивали «большую дорогу». Холодные, серые, ночные лондонские улицы, в которых не найти пристанища; грязные и вонючие логовища — обитель всех пороков; притоны голода и болезни; жалкие лохмотья, которые вот-вот рассыплются, — что в этом соблазнительного?

Однако иные люди столь утонченны от природы и столь деликатны, что не в силах созерцать подобные ужасы. Они не отворачиваются инстинктивно от преступления, нет, но преступник, чтобы прийти к нему по вкусу, должен быть, подобно кушаньям, подан с деликатной приправой. Какой-нибудь Макарони<sup>1</sup> в зеленом бархате — восхитительное создание, ну а Сайкс в бумазейной рубашке невыносим! Какая-нибудь миссис Макарони — особа в короткой юбочке и маскарадном костюме — заслуживает того, чтобы ее изображали в живых картинах и на литографиях, украшающих популярные песенки; ну а Нэнси — существо в бумажном платье и дешевой шали — недопустима! Удивительно, как отворачивается Добродетель от грязных чулок и как Порок, сочетаясь с лентами и ярким нарядом, меняет, подобно замужним женщинам, свое имя и становится Романтикой.

Но одна из задач этой книги — показать суровую правду, даже когда она выступает в обличье тех людей, которые столь превознесены в романах, а посему я не утаил от своих читателей ни одной дырки в сюртуке Плуто, ни одной папильотки в растрепанных волосах Нэнси. Я совсем не верил в деликатность тех, которым не под силу их созерцать. У меня не было ни малейшего желания завоевывать сторонников среди подобных людей. Я не питал уважения к их мнению, хорошему или плохому, не добивался их одобрения и не для их развлечения писал.

О Нэнси говорили, что ее преданная любовь к свирепому грабителю кажется неестественной. И в то же время возражали против Сайкса, — довольно непо-

---

<sup>1</sup> *Макарони* (macaroni) — английские франты 1760–1770-х годов, последователи итальянской и французской моды.

следовательно, как смею я думать, — утверждая, будто краски сгущены, ибо в нем нет и следа тех искупающих качеств, против которых возражали, находя их неестественными в его любовнице. В ответ на последнее возражение замечу только, что, как я опасаясь, на свете все же есть такие бесчувственные и бессердечные натуры, которые окончательно и безнадежно испорчены. Как бы там ни было, я уверен в одном: такие люди, как Сайкс, существуют, и если пристально следить за ними на протяжении того же периода времени и при тех же обстоятельствах, что изображены в романе, они не обнаружат ни в одном своем поступке ни малейшего признака добрых чувств. То ли всякое, более мягкое человеческое чувство в них умерло, то ли заржавела струна, которой следовало коснуться, и трудно ее найти — об этом я не берусь судить, но я уверен, что дело обстоит именно так.

Бесполезно спорить о том, естественны или неестественны поведение и характер девушки, возможны или невозможны, правильны или нет. Они — сама правда. Всякий, кто наблюдал эти печальные тени жизни, должен это знать. Начиная с первого появления этой жалкой несчастной девушки и кончая тем, как она опускает свою окровавленную голову на грудь грабителя, здесь нет ни малейшего преувеличения или натяжки. Это святая правда, ибо эту правду Бог оставляет в душах развращенных и несчастных; надежда еще тлеет в них; последняя чистая капля воды на дне заросшего тиной колодца. В ней заключены и лучшие и худшие стороны нашей природы — множество самых уродливых ее свойств, но есть и самые прекрасные; это — противоречие, аномалия, кажущиеся невозможными, но это — правда. Я рад, что в ней усомнились, ибо, если бы я нуждался в подтверждении того, что эту правду нужно сказать, последнее обстоятельство вдохнуло бы в меня эту уверенность.

В тысяча восемьсот пятидесятом году один чудак-олдермен<sup>1</sup> во всеуслышание заявил в Лондоне, что Острова Джейкоба нет и никогда не было. Но и в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году Остров Джейкоба (по-прежнему место незавидное) продолжает существовать, хотя значительно изменился к лучшему.

---

<sup>1</sup> *Олдермен* — до 1972 года — старший советник, которого избирали на шесть лет из числа членов совета графства или города.

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ  
ОЛИВЕРА ТВИСТА**

# ГЛАВА I



повествует о месте, где родился Оливер Твист,  
и обстоятельствах, сопутствовавших его рождению



Среди общественных зданий в некоем городе, который по многим причинам благоразумнее будет не называть и которому я не дам никакого вымышленного наименования, находится здание, издавна встречающееся почти во всех городах, больших и малых, именно — рабочий дом. И в этом рабочем доме родился, — я могу себя не утруждать указанием дня и числа, так как это не имеет никакого значения для читателя, во всяком случае на данной стадии повествования, — родился смертный, чье имя предшествует началу этой главы.

Когда приходский врач ввел его в сей мир печали и скорбей, долгое время казалось весьма сомнительным, выживет ли ребенок, чтобы получить какое бы то ни было имя; по всей вероятности, эти мемуары никогда не вышли бы в свет, а если бы вышли, то заняли бы не более двух-трех страниц и благодаря этому бесценному качеству являли бы собою самый краткий и правдивый образец биографии из всех сохранившихся в литературе любого века или любой страны.

Хотя я не склонен утверждать, что рождение в рабочем доме само по себе самая счастливая и завидная участь, какая может выпасть на долю человека, тем не менее я полагаю, что при данных условиях это было наилучшим для Оливера Твиста. Потому что весьма трудно было добиться, чтобы Оливер Твист взял на себя заботу о своем дыхании, а это занятие хлопотливое, хотя обычай сделал его необходимым для нашего безболезненного существования. В течение некоторого времени он лежал, задыхающийся, на шерстяном матрасике, находясь в неустойчивом равновесии между этим миром и грядущим и решительно склоняясь в пользу последнего. Если бы на протяжении этого короткого промежутка времени Оливер был окружен заботливыми бабушками, встревоженными тетками, опытными сиделками и премудрыми докторами, он неизбежно и несомненно был бы загублен. Но так как никого поблизости не было, кроме нищей старухи, у которой голова затуманилась от непривычной порции пива, и приходского врача, исполнявшего свои обязанности по договору, Оливер и Природа вдвоем выиграли битву. В результате Оливер после недолгой борьбы вздохнул, чихнул и возвестил обитателям рабочего дома о новом бремени, ложившемся на приход, испустив такой громкий вопль, какой только можно было ожидать от младенца мужского пола, который три с четвертью минуты назад получил сей весьма полезный дар — голос.

Как только Оливер обнаружил это первое доказательство надлежащей и свободной деятельности своих легких, лоскутное одеяло, небрежно брошенное на железную кровать, зашевелилось, бледное лицо молодой женщины приподнялось с подушки и слабый голос невнятно произнес:

— Дайте мне посмотреть на ребенка — и умереть.

Врач сидел у камина, согревая и потирая ладони.

Когда заговорила молодая женщина, он встал и, подойдя к изголовью, сказал ласковее, чем можно было от него ждать:

— Ну, вам еще рано говорить о смерти!

— Конечно, боже избавь! — вмешалась сиделка, торопливо засовывая в карман зеленую бутылку, содержимое которой она с явным удовольствием смаковала в углу комнаты. — Боже избавь! Вот когда она проживет столько, сколько прожила я, сэр, да произведет на свет тринадцать ребят, и из них останутся в живых двое, да и те

будут с нею в работном доме, вот тогда она образумится и не будет принимать все близко к сердцу!.. Подумайте, милая, о том, что значит быть матерью! Какой у вас милый ребеночек!

По-видимому, эта утешительная перспектива материнства не произвела надлежащего впечатления. Больная покачала головой и протянула руку к ребенку.

Доктор передал его в ее объятия. Она страстно прижалась холодными, бледными губами к его лбу, провела рукой по лицу, дико осмотрелась вокруг, вздрогнула, откинулась назад... и умерла. Ей растирали грудь, руки и виски, но сердце остановилось навеки. Что-то говорили о надежде и успокоении. Но этого она давно уже не ведала.

— Все кончено, миссис Тингами! — сказал наконец врач.

— Да, все кончено. Ах, бедняжка! — подтвердила сиделка, подхватывая пробку от зеленой бутылки, упавшую на подушку, когда она наклонилась, чтобы взять ребенка. — Бедняжка!

— Вам незачем посылать за мной, если ребенок будет кричать, — сказал врач, медленно натягивая перчатки. — Очень возможно, что он окажется беспокойным.



В таком случае дайте ему жидкой кашки. — Он надел шляпу, направился к двери и, приостановившись у кровати, добавил: — Миловидная женщина... Откуда она пришла?

— Ее принесли сюда вчера вечером, — ответила старуха, — по распоряжению надзирателя. Ее нашли лежащей на улице. Она пришла издалека, башмаки у нее совсем истоптаны, но откуда и куда она шла — никто не знает.

Врач наклонился к покойнице и поднял ее левую руку.

— Старая история, — сказал он, покачивая головой. — Нет обручального кольца... Ну, спокойной ночи!

Достойный медик отправился обедать, а сиделка, еще раз приложившись к зеленой бутылке, уселась на низкий стул у камина и принялась облачать младенца.

Каким превосходным доказательством могущества одеяния явился юный Оливер Твист! Закутанный в одеяло, которое было доселе единственным его покровом, он мог быть сыном дворянина и сыном нищего; самый родовитый человек едва ли смог бы определить подобающее ему место в обществе. Но теперь, когда его облачили в старую коленкоровую рубашонку, пожелтевшую от времени, он был отмечен и снабжен ярлыком и сразу занял свое место — приходского ребенка, сироты из работного дома, смиренного голодного бедняка, проходящего свой жизненный путь под градом ударов и пощечин, презираемого всеми и нигде не встречающего жалости.

Оливер громко кричал. Если бы мог он знать, что он сирота, оставленный на милосердное попечение церковных старост и надзирателей, быть может, он кричал бы еще громче.

## ГЛАВА II



повествует о том, как рос, воспитывался  
и как был вскормлен Оливер Твист

**В** течение следующих восьми или десяти месяцев Оливер был жертвой системы вероломства и обманов. Его кормили из рожка. О голодном малютке-сироте, лишенном самого необходимого, власти работного дома доложили надлежащим образом приходским властям. Приходские власти с достоинством запросили властей работного дома о том, нет ли какой-нибудь особы женского пола, проживающей в доме, которая могла бы доставить Оливеру Твисту утешение и питание, столь для него необходимые. На это власти работного дома ответили, что такой особы нет. Тогда приходские власти великодушно и человечно порешили, что Оливера следует поместить «на ферму», или, иными словами, препроводить его в отделение работного дома, находившееся на расстоянии примерно трех миль, где от двадцати до тридцати других юных нарушителей закона о бедных<sup>1</sup> копошились по целым дням на полу, не страдая от избытка пищи или одежды, под материнским надзором пожилой особы, которая принимала к себе этих преступников за семь с половиной пенсов с души. Семь с половиной пенсов в неделю — недурная сумма на содержание ребенка; немало можно приобрести на семь с половиной пенсов — вполне достаточно, чтобы переполнить желудок и вызвать неприятные последствия. Пожилая особа женского пола была человеком разумным и опытным — она знала, что идет на пользу детям. И она в совершенстве постигла, что идет на пользу ей самой. Поэтому большую часть еженедельной стипендии она оставляла себе, а подрастающему приходскому поколению уделяла значительно меньшую долю, чем та, которая была ему назначена. Иными словами, она открыла в бездонных глубинах еще бóльшую глубину, проявив себя великим философом.

Всем известна история другого философа, который измыслил знаменитую теорию о том, что лошадь может существовать без пищи, и столь успешно доказал ее, что довел ежедневную порцию пищи, получаемую его собственной лошадей, до одной соломинки; несомненно он сделал бы ее чрезвычайно горячим и резвым животным, если бы она не пала за сутки до того дня, как ей предстояло перейти на отменную порцию воздуха. К несчастью для экспериментальной философии той женщины, чьим заботам и покровительству был поручен Оливер Твист, к таким же результатам обычно приводило применение ее системы; потому что в ту самую минуту, когда дитя научалось поддерживать в себе жизнь ничтожной долей самой непитательной пищи, по превратности судьбы, в восьми с половиной случаях из десяти, оно или заболело от голода и холода, или по недосмотру падало в огонь, или погибало от удушья. В любом из этих случаев несчастный малютка отправлялся в иной мир, чтоб там соединиться со своими родителями, коих он не ведал в этом.

Иной раз, когда производилось особо строгое следствие о приходском ребенке, за которым недосмотрели, а он опрокинул на себя кровать, или которого неумышленно обварили насмерть во время стирки белья — впрочем, последнее случалось не часто, ибо все хоть сколько-нибудь напоминающее стирку было редким событием на ферме, — присяжным иной раз приходило в голову задавать неприятные

---

<sup>1</sup> *Закон о бедных* — английский закон 1834 года, согласно которому бедняки лишались права на социальную помощь и отправлялись в работные дома.

вопросы, а прихожане возмущались и подписывали протест. Но эти дерзкие выступления тотчас же пресекались в корне после показания врача и свидетельства бидла<sup>1</sup>; первый всегда вскрывал труп и ничего в нем не находил — это было в высшей степени правдоподобно, а второй неизменно показывал под присягой все, что было угодно приходу, — это было в высшей степени благочестиво. Вдобавок, члены совета регулярно посещали ферму и накануне всегда посылали бидла известить о своем прибытии. Когда они приезжали, дети были милы и опрятны, а можно ли требовать большего!

Нельзя ожидать, чтобы такая система воспитания на ферме давала какой-нибудь необычайный или богатый урожай. И в тот день, когда Оливеру Твисту исполнилось девять лет, он был бледным, чахлым ребенком, малорослым и несомненно тощим. Но природа заронила хорошие семена в грудь Оливера, и они развивались себе на свободе, чему весьма способствовала скудная диета, принятая в учреждении. И, быть может, этому обстоятельству Оливер был обязан тем, что увидел день, когда ему минуло девять лет.

Как бы там ни было, но это был день его рождения, и он проводил его в погребке для угля — в избранном обществе двух юных джентльменов, которые, разделив с ним основательную порку, были посажены под замок за то, что дерзко осмелились заявить, будто они голодны, — как вдруг миссис Манн, славная леди, возглавляющая это учреждение, была потрясена внезапным появлением мистера Бамбла, бидла, который старался открыть калитку в воротах сада.

— Господи помилуй! Это вы, мистер Бамбл? — воскликнула миссис Манн, высовывая голову из окна и искусно притворяясь чрезвычайно обрадованной. — (Сьюзен, приведите наверх Оливера и тех двух мальчишек и сейчас же их вымойте!) Ах, боже мой! Мистер Бамбл, как я рада вас видеть!

Мистер Бамбл был человек дородный и раздражительный; вместо того чтобы должным образом ответить на это «чистосердечное» приветствие, он отчаянно потрянул калитку, а затем угостил ее таким пинком, какого можно было ждать только от ноги бидла.

— Ах, боже мой! — вскричала миссис Манн, выбежав из дому, ибо три мальчика были к тому времени доставлены наверх. — Подумать только! Как же это я могла позабыть о том, что из-за наших милых ребят калитка заперта изнутри! Войдите, сэр, прошу вас, войдите, мистер Бамбл, войдите, сэр!

Хотя это приглашение сопровождалось реверансом, который мог растрогать сердце церковного старосты, оно отнюдь не смягчило бидла.

— Неужели, миссис Манн, вы считаете почтительным или пристойным, — осведомился мистер Бамбл, сжимая свою трость, — заставлять приходских должностных лиц ждать у садовой калитки, когда они являются сюда по приходским делам, связанным с приходскими сиротами? Известно ли вам, миссис Манн, что вы, так сказать, выборное лицо прихода и получаете жалованье?

— Право же, мистер Бамбл, я только сообщила кое-кому из наших милых деток, которые вас так любят, что это вы пришли, — с большим смирением ответила миссис Манн.

---

<sup>1</sup> *Бидл* — мелкий приходской чиновник.

Мистер Бамбл был высокого мнения о своем ораторском даровании и о своей значительности. Он выказал первое и утвердил второе. Он смягчился.

— Ладно, миссис Манн, — ответил он более спокойным тоном, — быть может, и так. Войдемте в дом, миссис Манн. Я пришел по делу и должен вам кое-что сообщить.

Миссис Манн ввела бидла в маленькую гостиную с кирпичным полом, подала ему стул и услужливо положила перед ним на стол его треуголку и трость. Мистер Бамбл вытер со лба пот, выступивший после прогулки, бросил самодовольный взгляд на треуголку и улыбнулся. Да, он улыбнулся. Бидлы в конце концов тоже люди, и мистер Бамбл улыбнулся.

— А теперь не обижайтесь на то, что я вам скажу, — заметила миссис Манн с чарующей любезностью. — Вы совершили, знаете ли, большую прогулку, иначе бы не стала об этом упоминать. Мистер Бамбл, не выпьете ли вы капельку?..

— Ни капли! Ни капли! — сказал мистер Бамбл, махнув правой рукой с достоинством, но благодушно.

— Я думаю, все-таки можно выпить, — сказала миссис Манн, отметив про себя тон отказа и жест, его сопровождавший. — Одну капельку, и немножко холодной воды и кусочек сахара.

Мистер Бамбл кашлянул.

— Только одну капельку, — убеждала миссис Манн.

— Капельку чего именно? — осведомился бидл.

— Того самого, что я обязана держать в доме для милых малюток, чтобы подбавлять в эликсир Даффи<sup>1</sup>, когда они нездоровы, мистер Бамбл, — ответила миссис Манн, открывая буфет и доставая бутылку и стакан. — Это джин. Я не хочу вас обманывать, мистер Бамбл. Это джин.

— Вы даете детям Даффи, миссис Манн? — спросил Бамбл, следя глазами за интересной процедурой приготовления смеси.

— Да благословит их Бог, даю, хотя это и дорого стоит, — ответила воспитательница. — Знаете ли, сэр, я не могу видеть, как они страдают у меня на глазах.

— Вот именно, — одобрительно сказал мистер Бамбл, — не можете. Вы добрая женщина, миссис Манн. — Она поставила стакан на стол. — Я воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы доложить об этом совету, миссис Манн. — Он придвинул к себе стакан. — У вас материнские чувства, миссис Манн. — Он размешал джин с водой. — Я.. я с удовольствием выпью за ваше здоровье, миссис Манн.

И он залпом выпил полстакана.



<sup>1</sup> Эликсир Даффи — одно из самых популярных в Англии XVIII века медицинских средств, созданное в 1647 году Томасом Даффи.

— А теперь к делу, — продолжал бидл, доставая кожаный бумажник. — Ребенку Твисту, которого окрестили Оливером, исполнилось сегодня девять лет.

— Да благословит его Бог! — вставила миссис Манн, докрасна растирая себе левый глаз кончиком передника.

— И, несмотря на предложенную награду в десять фунтов, которая затем была увеличена до двадцати фунтов, несмотря на чрезвычайные и, я бы сказал, сверхъестественные усилия со стороны прихода, — продолжал Бамбл, — нам так и не удалось узнать, кто его отец, а также местожительство, имя и звание его матери.

Миссис Манн с изумлением воздела руки, но после недолгого раздумья спросила:

— Как же тогда он вообще получил какую-то фамилию?

Бидл горделиво выпрямился и сказал:

— Это я придумал.

— Вы, мистер Бамбл?

— Я, миссис Манн. Мы даем фамилии нашим питомцам в алфавитном порядке. Последний был на букву С — я его назвал Суобл. Этот был на букву Т — его я назвал Твист. Следующий будет Унуин, а затем Филиппс. Я придумал фамилии до конца алфавита и, когда мы дойдем до буквы Z, снова начну с начала.

— Да ведь вы настоящий писатель, сэр! — воскликнула миссис Манн.

— Ну-ну! — сказал бидл, явно польщенный комплиментом. — Может быть, и так... Может быть, и так, миссис Манн.

Он допил джин с водой и прибавил:

— Так как Оливер теперь подросток и не может оставаться здесь, совет решил отправить его обратно в работный дом. Я пришел сам, чтобы отвести его туда. Покажите-ка мне его поскорее.

— Я сейчас же его приведу, — сказала миссис Манн, выходя из комнаты.

Оливер, освободившись к тому времени от того верхнего слоя грязи, покрывавшей его лицо и руки, какой можно было соскрести за одно умывание, был введен в комнату своей милостивой покровительницей.

— Поклонись джентльмену, Оливер, — сказала миссис Манн.

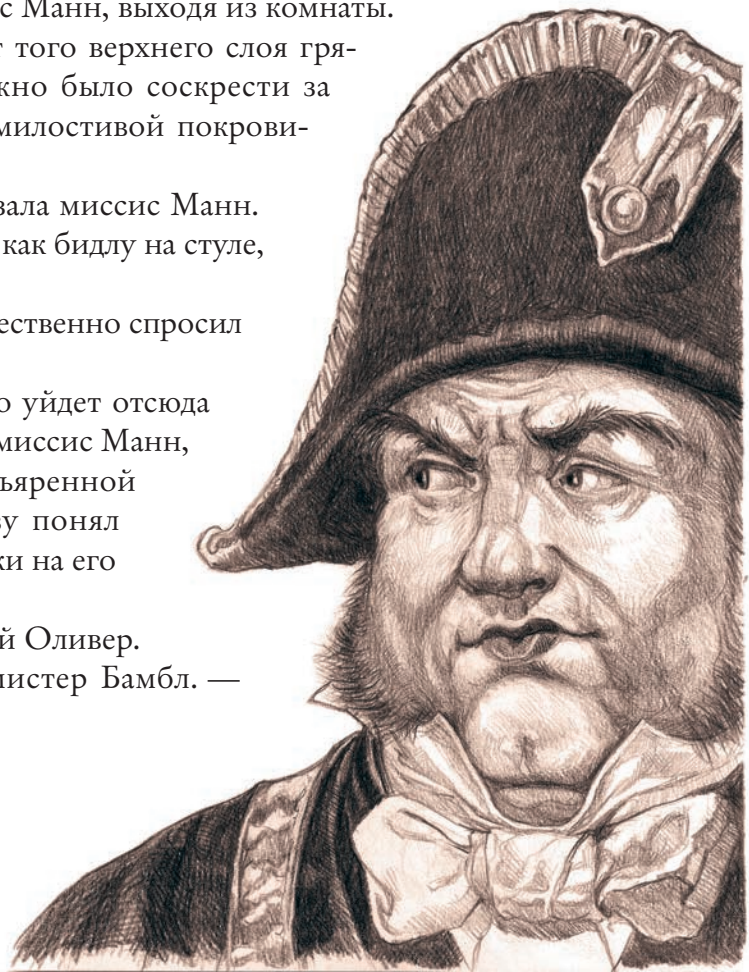
Оливер отвесил поклон, предназначавшийся как бидлу на стуле, так и треуголке на столе.

— Хочешь пойти со мной, Оливер? — величественно спросил мистер Бамбл.

Оливер готов был сказать, что очень охотно уйдет отсюда с кем угодно, но, подняв глаза, встретил взгляд миссис Манн, которая поместилась за стулом бидла и с разъяренной физиономией грозила ему кулаком. Он сразу понял намек — кулак слишком часто оставлял отпечатки на его теле, чтобы не запечатлеться глубоко в памяти.

— А она пойдет со мной? — спросил бедный Оливер.

— Нет, она не может пойти, — ответил мистер Бамбл. — Но иногда она будет тебя навещать.







Это было не очень большим утешением для мальчика. Однако, как ни был он мал, у него хватило ума притвориться, будто он с большим сожалением покидает эти места. Ему совсем нетрудно было прослезиться, голод и дурное обращение — великие помощники в тех случаях, когда вам нужно заплакать. И Оливер плакал и в самом деле очень натурально. Миссис Манн подарила ему тысячу поцелуев и — в этом Оливер нуждался гораздо больше — кусок хлеба с маслом, чтобы он не показался чересчур голодным, когда придет в работный дом.

С ломтем хлеба в руке и в коричневой приходской шапочке Оливер был уведен мистером Бамблом из гнусного дома, где ни одно ласковое слово, ни один ласковый взгляд ни разу не озарили его унылых младенческих лет. И все же детское его горе было глубоко, когда за ним закрылись ворота коттеджа. Как ни были жалки его маленькие товарищи по несчастью, которых он покидал, — это были единственные его друзья. И сознание своего одиночества в великом, необъятном мире впервые проникло в сердце ребенка.

Мистер Бамбл шел большими шагами; маленький Оливер, крепко ухватившись за его обшитый золотым галуном обшлаг, рысцой бежал рядом с ним и через каждую четверть мили спрашивал: «Далеко ли еще?» На эти вопросы мистер Бамбл давал очень короткие и резкие ответы, так как недолговечная приветливость, какую пробуждает в иных сердцах джин с водой, к тому времени испарилась, и он снова стал бидлом.

Оливер пробыл в стенах работного дома не более четверти часа и едва успел покончить со вторым ломтем хлеба, как мистер Бамбл, оставивший его на попечение какой-то старухи, вернулся и, рассказав о происходившем в тот вечер заседании совета, объявил ему, что, по желанию совета, он должен немедленно предстать перед ним.

Не имея достаточно ясного представления о том, что такое совет, Оливер был ошеломлен этим сообщением и не знал, смеяться ему или плакать. Впрочем, ему некогда было об этом раздумывать, так как мистер Бамбл ударил его тростью по голове, чтобы расшевелить, и еще раз по спине, чтобы подбодрить, и, приказав следовать за собой, повел его в большую выбеленную известкой комнату, где сидели вокруг стола восемь или десять толстых джентльменов. Во главе стола восседал в кресле, более высоком, чем остальные, чрезвычайно толстый джентльмен с круглой красной физиономией.

— Поклонись совету, — сказал Бамбл.

Оливер смахнул две-три еще не высохшие слезинки и, видя перед собой стол, по счастью, поклонился ему.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил джентльмен, восседавший в высоком кресле.

Оливер испугался стольких джентльменов, приводивших его в трепет, а бидл угостил его сзади еще одним пинком, который заставил его расплакаться. По этим двум причинам он ответил очень тихо и нерешительно, после чего джентльмен в белом жилете обозвал его дураком, сразу развеселился и пришел в прекрасное расположение духа.

— Мальчик, — сказал джентльмен в высоком кресле, — слушай меня. Полагаю, тебе известно, что ты сирота?

— Что это такое, сэр? — спросил бедный Оливер.  
— Мальчик — дурак! Я так и думал, — сказал джентльмен в белом жилете.  
— Тише! — сказал джентльмен, который говорил первым. — Тебе известно, что у тебя нет ни отца, ни матери и что тебя воспитал приход, не так ли?  
— Да, сэр, — ответил Оливер, горько плача.  
— О чем ты плачешь? — спросил джентльмен в белом жилете.  
И в самом деле — очень странно! О чем мог плакать этот мальчик?  
— Надеюсь, ты каждый вечер читаешь молитву, — суровым голосом сказал другой джентльмен, — и молишься — как надлежит христианину — за тех, кто тебя кормит и о тебе заботится?  
— Да, сэр, — заикаясь, ответил мальчик.  
Джентльмен, говоривший последним, сам того не сознавая, был прав. Оливер и в самом деле был бы христианином и на редкость хорошим христианином, если бы молился за тех, кто *его* кормит и о *нем* заботится. Но он не молился, потому что никто его этому не учил.  
— Прекрасно! Тебя привели сюда, чтобы воспитать и обучить полезному ремеслу, — сказал краснолицый джентльмен, сидевший в высоком кресле.  
— И завтра же, с шести часов утра, ты начнешь трепать пеньку, — добавил угрюмый джентльмен в белом жилете.



В благодарность за соединение этих двух благодеяний в несложной операции трепанья пеньки Оливер, по указанию бидла, низко поклонился и был поспешно уведён в большую комнату, где на грубой, жесткой кровати он рыдал, пока не заснул. Какая превосходная иллюстрация к милосердным законам Англии! Они разрешают беднякам спать!

Бедный Оливер! Он спал в счастливом неведении, не помышляя о том, что в этот самый день совет вынес решение, которое должно было повлиять на всю его дальнейшую судьбу. Но совет вынес решение. Оно заключалось в следующем.

Члены этого совета были очень мудрыми, проницательными философами, и, когда они наконец обратили внимание на работный дом, они тотчас подметили то, чего никогда бы не обнаружили простые смертные, а именно: бедняки любили работный дом! Это было поистине место общественного увеселения для бедных классов; харчевня, где не нужно платить; даровой завтрак, обед, чай и ужин круглый год; рай из кирпича и известки, где всё игра и никакой работы! «Ого! — с глубокомысленным видом изрек совет. — Нам-то и надлежит навести порядок. Мы немедленно положим этому конец». И члены совета постановили, чтобы всем бедным людям был предоставлен выбор (так как, разумеется, они никого не хотели принуждать) либо медленно умирать голодной смертью в работном доме, либо быстро умереть вне его стен. С этой целью они заключили





договор с водопроводной компанией на снабжение водой в неограниченном количестве и с агентом по торговле зерном на регулярное снабжение овсянкой в умеренном количестве и постановили давать три раза в день жидкую кашу, луковицу дважды в неделю и полбулки по воскресеньям. Они сделали еще очень много мудрых и гуманных распоряжений, касающихся женщин, но их нет необходимости перечислять. Они милостиво согласились давать развод женатым беднякам ввиду больших издержек, сопряженных с бракоразводным процессом в Докторс-Коммонс<sup>1</sup>. И вместо того чтобы заставлять человека содержать семью, как они делали раньше, они отнимали у него семью и превращали его в холостяка! Трудно сказать, сколько просителей из всех слоев общества обратилось бы к ним за пособием, имея в виду эти два последних пункта, если бы оно не было связано с работным домом, но члены совета были люди предусмотрительные и приняли меры против такого осложнения. Пособие было неразрывно связано с работным домом и кашей, и это отпугивало людей.

В течение первого полугодия после появления Оливера Твиста систему применяли вовсю. Сначала она потребовала немалых расходов, ибо счет гробовщика увеличился и приходилось непрерывно ушивать одежду бедняков, которая после одной-двух недель каши висела мешком на их исхудавших телах. Но число обитателей работного дома стало таким же тощим, как и сами бедняки, и совет был в восторге.

Мальчиков кормили в большом зале с кирпичными стенами; в одном конце его находился котел, и из этого котла в часы, назначенные для принятия пищи, надзиратель, надев передник, с помощью одной или двух женщин раздавал кашу. Каждый мальчик получал одну мисочку этого превосходного месива — не больше, за исключением больших праздников, когда он, кроме того, получал две с четвертью унции<sup>2</sup> хлеба. Миски никогда не приходилось мыть. Мальчики скоблили их ложками, пока они не начинали снова блестеть; покончив с этой операцией (которая никогда не отнимала много времени, так как ложки были почти такой же величины, как миски), они сидели, впиваясь в котел такими жадными глазами, словно собирались пожрать кирпичи, которыми он был обложен, и занимались тем, что жадно обсасывали себе пальцы в надежде найти крупички каши, случайно на них оставшейся. Мальчики обычно отличаются прекрасным аппетитом. Оливер Твист и его товарищи на протяжении трех месяцев терпели муки, медленно умирая от недоедания; наконец, они стали такими жадными и так обезумели от голода, что один мальчик, который был рослым для своих лет и не привык к такому положению вещей (его отец содержал когда-то маленькую харчевню), мрачно намекнул товарищам, что, если ему не прибавят миски каши *per diem*<sup>3</sup>, он боится, как бы случайно не съесть ночью спящего с ним рядом тщедушного мальчика. Глаза у него были дикие, голодные, и дети слепо ему поверили. Посоветовались;

---

<sup>1</sup> *Докторс-Коммонс* — коллегия юристов.

<sup>2</sup> *Унция* — мера веса, равная примерно 28 граммам. То есть на праздники сироты дополнительно получали менее 70 граммов хлеба.

<sup>3</sup> *Per diem* (лат.) — в течение дня. Также употреблялось в значении «подневная (повременная) плата», «суточные выплаты».